

Через голову Амстердамских чиновников

Ш. И. Кутузов, председатель ЦК текстильщиков и член президиума ВЦИК — среди руководителей английских тред-юнионов (профессиональных союзов). Слева — И. Тругс, справа — видный английский парламентарий, социалист Бен-Тёрнер

2500 ЛЕТ НАЗАД. ДРЕВНИЙ ГОРОД БЛИЗ ОДЕССЫ

Очерк С. Семенова-Зусера

Одно из замечательных древне-греческих поселений, некогда богатейший центр своеобразной культуры — греческо-скифской — неизменно привлекающий к себе жадные взоры ученых всего мира, это — Ольвия, наши, т. наз., Черноморские Помпеи.

На правом берегу Буга, при впадении его в Буго-Днепровский лиман, близ нынешнего села Парушина и в 28 верстах от Очакова, более 2500 лет тому назад (во второй половине VII в. до Р. X.) был основан замечательный городок Ольвия (по гречески значит «счастливая»). Выходцы из мало-азийского города Милета, выбрав возвышенное место, где «никогда не бывает малярии и воздух прозрачен, как кристалл», создали вначале торговые фактории, а затем преобразовали их в цветущую и богатейшую колонию Ольвию.

Черное море — страшное, бурливое, наводившее страх даже на опытных и смелых мореплавателей, стало отныне привлекать к себе из самых далеких мест юга, востока и севера людей и караванов, множество судов, отчего и получило название «Понт Евксинский», т. е. «гостеприимное море».

«Отсюда шла» — говорит известный историк Геродот (V в. до Р. X.) — «длинная караванная дорога на север через всю Скифию и центральную Азию и достигала Алтая. Здесь могли получать все, что производилось и добывалось по ту сторону моря. А потому северным народам не было надобности отправляться за море за товарами в далекие и опасные центры».

Геродоту мы обязаны первым знакомством с этой колонией и тем огромным интересом, какой она вызвала к себе в ученом мире.

Предметами экспорта Ольвии в различные времена служили, главным образом — рыба, мед, меха, строевой лес и особенно соль, находящаяся в большом количестве в устьях рек. «Здесь есть также много соли, и отсюда получают ее купкой большинство варваров, а также эллины и скифы, живущие на Таврическом полуострове». Ольвия переживала, в зависимости от различных независимых от нее причин, различные судьбы. Из цветущего экономического и культурного центра она превращалась в бедную, нищенскую колонию, жившую всецело на средства приезжавших случайно купцов-экспортеров. Но бывало и обратно, когда заглушенная и забытая Ольвия снова воскресала и начинала играть первостепенную роль в торговом и культурном мире всего огромного побережья Черного моря.

Государственный строй в Ольвии долгое время представлял собою демократическую республику, иногда принимал форму аристократического правления. Управлялась Ольвия выборными от народа (архонтами, стратигами и пр.), и должностные лица должны были ежегодно сменяться. Было своего рода вече, от которого зависела судьба всего населения, а затем уже совет. Ольвиополиты оставались верными общегреческим богам и их культам. Любимейшими богами были Аполлон и Ахилл, которых они и построили храмы.

Когда в I в. по Р. X. посещает ее знаменитый ритор Дион Хрисостом, то он застаёт уже печальную картину, происшедшую еще в половине V века до Р. X. Дикие полчища готтов, под предводительством начальника своего Биребисты, предали эту богатую колонию огню и разгрому. Долго после этого не мог оправиться город, но, когда он снова начал возрождаться, пришли

(в третьем веке по Р. X.) чудовищные готы и разрушили то, что еще теплилось, что пыталось подняться на развалинах бывшего величия. И снова Ольвия — разрушенная, сожженная — была брошена на произвол судьбы. Никому уже она не нужна, никто из варварских царей не покушался на нее, никто уже она не интересовала. Так погиб некогда цветущий, вызывавший столько зависти и изумления, создавший столько прекрасных сказаний о себе лучший город на северном побережье Черного моря.

И когда остались одни развалины в почти пустом и мертвом городе, тогда уже природа приступила к своей разрушительной работе: с одной стороны, западные ветры, т. наз. «сухой», стали засыпать его особенной, густой пылью и образовывать на нем слоистые отложения. «Лишение девственных почв растительного покрова и расплывание пахотного горизонта при сухости степного климата создают благоприятные условия для деятельности ветров, частых и сильных в открытой степи» — поясняет проф. Баранов, специально исследовавший почву Ольвии — «но кроме расплывенного слоя пашни древних богатый материал для расплывания представляли еще курганы, сброшенные по открытой степи».

Вычисляя, что в столетие отлагался слой в 20 сантиметров проф. Баранов приходит к заключению, что Ольвия должна была перейти еще с VII в. во власть природы, во власть всеокрушающего времени. Таким образом, можно смело сказать, что с одной стороны черноземные бури скрывали Ольвию от взора живущих, с другой же — волны лимана, которые подтачивали берега, обваливали их и тем самым обнажали и разрушали стены некогда сильных укреплений древнего города.

Впервые об Ольвии в нашей русской литературе заговорили еще в конце XVIII в. акад. Паллас и путешественник Сумароков, лично побывавшие на ее территории. В первой четверти XIX в. арх. Келпен знакомит нас с точными границами городка. В 1821 г. на месте городка оставался Муравьев-Апостол и чудесно рассказал о нем в своем произведении «Путешествие по Тавриде». В 1848 г. арх. Уваров знакомит нас с Ольвией и с древностями, найденными в ней. После него на долгое время Ольвия снова была забыта. Территория, где находился древний город, принадлежала одно время вбалашинской и грубой помещице-граф. Муслиной-Пушкиной, которая, считая древности, скрытые в земле, своей неотъемлемой собственностью, не разрешала не только копать, но и производить какие-либо исследования. А официальная невежественная Россия, мало заботясь о науке и о спасении величайших ценностей, ничего не предпринимала для этого. Разорвали Ольвию доморощенные археологи — помещики, а вместе с ними всякие чиновники, называвшие себя «любителями старины», не говоря уже о местных крестьянах, т. н. «счастливицах» (от слова «копать на счастье»). В Парутино съезжались со всех концов Европы агенты по покупке древностей. В Одессе, Очакове и Николаеве образовались даже специальные конторы для покупки и продажи ценностей, главным образом, за границу. И, действительно, во всех крупнейших музеях столичных городов видное место занимают экспонаты, добытые в Ольвии. Как далеко попадали они, видно уже по одному тому, что у американского миллиардера П. Моргана находится лучшая коллекция расписной стеклянной посуды, найденной в Ольвии.

Так обстояло дело до 1902 г., пока археологическая комиссия в Петербурге не обратила внимания на Ольвию и не поручила дальнейшую работу проф. Б. И. Фармаковскому, который с 1902 по 15 г. вел систематические и планомерные раскопки, результаты которых вызвали изумление всего ученого мира.

Начавшаяся в 1914 г. война приостановила работы, и снова Ольвия осталась без надзора и защиты.

И вот лишь в 1920 г., когда прочно установилась светская власть, на Украине снова начались раскопки. Автору настоящего очерка было предложено принять на себя руководство раскопками. Первой мыслью нашей было снестись с Петроградской Археологической Комиссией и постоянным руководителем раскопок в Ольвии — Б. И. Фармаковским, но, по независящим от нас обстоятельствам, это не удалось, равно, как оказались безуспешными попытки привлечения к раскопкам бездействующих ученых организаций Украины.

Раскопки велись как в городе, так и в его некрополе (кладбище).

Было открыто нами до 164 гробниц (среди них 3 каменных склепа, около 40 земляных, остальные подбойные и грунтовые), найдено 1700 предметов. Все они относятся к разным эпохам, начиная с VI в. до Р. X. и кончая II—III в. по Р. X. Среди множества ценных находок следует отметить чернофигурные сосуды с изображением различных мифологических сцен, краснофигурный кратер, фигурная котила, сосуды из нежной красной глины с рельефными рисунками, сосуд — негр и пр. Из стеклянной посуды выделяются особенной красотой — амфориск, вазочка с широкими краями, непрокидывающийся стакан (вроде нашего «Ваньки-встаньки»), цветные, расписные вазы, бальзамарин и пр. и пр. — все предметы прекрасной сохранности. Из золотых вещей найдены замечательные серьги с камнями, другие серьги тонкой филигранной работы с подвесками, бусы, и пр. и пр. Из бронзовых и медных предметов следует указать: ножницы для стрижки овец, наконечники копий, ножи, причудливой формы черпаки и зеркала, разного рода амулеты и проч. украшения. Чрезвычайно интересны находки: кусок полотняной материи, в которой находилось зеркало, пиксида с остатками сохранившихся румян, футляр от карандаша для подведения бровей (из женской могилы), серебряные браслеты, целый ассортимент детских игрушек, терракотовые статуэтки и мн. др. Среди развалин посчастливилось найти мраморную, сияющую яркостью неземной красоты головку Диониса, относящуюся к лучшим произведениям великих античных мастеров.

Постройки римской Ольвии дополняют картину предыдущих раскопок, а стены зданий эллинистической эпохи, улицы и мостовые, каналы и водопроводы, колодцы, печи и пр. подтверждают все наши представления о богатстве, силе и красоте возрождающейся Ольвии.

В 1921 г. раскопки в Ольвии, в виду отсутствия средств, были прекращены.

В текущем году они снова возобновляются. Переданная под защиту всеобщей Академии Истории Материальной Культуры в Ленинграде, Ольвия, воскресая из пепла, выявит перед нашим взором неисчислимые научные богатства далекого прошлого нашего Черноморского побережья.

С. Семенов-Зусер.

ДРЕВНЯЯ ГРЕЦИЯ БЛИЗ ОДЕССЫ

Раскопки Ольвии

1. Милетский сосуд с изображением инструментов. 2. Анад. Б. И. Фармаковский у открытых стен римской цитадели. 3. Мраморная головка Диониса. 4, 5 и 6. Золотое кольцо, золотые серьги с камнями. 7. Сосуд—негр. 8. Сосуд из детской могилы и маска. 9. Рожок для кормления детей из детской могилы. 10. Раскопки в VI слое городка, близ цистерны.

Вождь французской компартии

Фот. Дж. Грауденц.

Марсель Кашэн, вождь французской коммунистической партии, спит в публичных французского парламента, перед первым заседанием палаты.

МАЛЬЧИКИ

Рассказ Владимира Василенко

С Андрюшей Климовым, учеником 2-й ступени, сидели мы на скамейке за воротами, грызли подсолнухи и толковали о том, о сем.

Андрюша лет на 20 меня моложе, но как собеседника я очень его ценю. Я могу сидеть целыми часами, молча жуя подсолнухи; Андрюша может целыми часами что-нибудь рассказывать.

На этот раз мы уже вдосталь наговорились, т. е., точнее сказать, Андрюша весь высказался, а я наслушался его занятой, немножко нервной болтовни.

Мы встали, смахнули обломанной тут же веткою липы шелуху от семечек с тротуара под скамейку и собирались ретироваться по домам. Но в это время раздался звук приближающихся шагов, мягко зазвенели шпоры, и перед нами вырос, вынырнув из вечерних сумерек, статный, легкий, розовощекий мальчик в шлеме с красноармейской звездой, в длинной до пят кавалерийской шинели, с шапкою на боку.

Андрюша мой как завизжит вдруг:

— Сеня Тимохин!

Мальчик-кавалерист, видимо, тоже обрадовался, протянул руки:

— Здравствуй, Андрюшка! Проходил мимо, думаю: авось встречу. Так оно и вышло. Ну, как живешь? Как другие мальчики?

Чтобы не мешать приятелям, я отошел в сторону. Мальчики присели на скамью, держа друг друга за плечи.

вора я понял, что Сеня Тимохин жил когда-то здесь же, в нашем доме, хорошо знает в нем всех мальчишек, играл с ними и мастер был драться. Теперь же он в красной кавалерии, «у самого Буденого».

— А помнишь, — спрашивает Андрюша, — «воблу»?

— Помню, как же. Противен он мне был. Слюньтйй. С нашей за ручку в церковь ходит, поклоны бьет, а у меня спрашивает, верю ли я в бога. Вот балда еще! За это я его и смазал тогда по физиономии. Зудят у меня руки против таких вот... богомолов!

Поговорили мальчики минут 10, не больше, и Сеня стал прощаться:

— Будь здоров, брат! Кланяйся нашим. Скажи, пусть на меня не сердятся... за старое. И «вобле» кланяйся. Всем, всем, всем!

Они обнялись, и Сеня Тимохин пошел от нас, гремя шпорами, как заправский кавалерист.

Андрюша, будто очарованный, глядел ему вслед.

Меня заинтересовал этот крепкий, красивый мальчик-буденовец. Я взял Андрюшу за талию, тихоенько привлек к себе и сказал:

— Ну, Андрюша, верно судьба нам ложиться поздно. Последим еще полчаса, вы мне расскажете про Сеню Тимохина, про историю с «воблой», о которой вы тут вспоминали.

Андрюша покорно сел на скамейку, но рассказывать начал вяло, рассеянно, все поглядывая в ту сторону, куда ушел Сеня Тимохин. Потом все-таки, по манере своей, разошелся и заговорил охотно и бойко.

— Это было позапрошлым летом, — начал он, — тут-вот, у нас во дворе. Мы в подстенка играли. Моя очередь была подстенком быть. Вдруг подходит Сеня Тимохин, говорит:

— Давай мячик.

— Зачем тебе?

— Я подстенком буду.

Отдал я ему мячик. Он стал у стены и не играет, а мячин в руках вертит. А потом и спрашивает:

— Знаете, говорит, товарищи; на что наша земля похожа?

Я сразу догадался и говорю:

— На мячик, что у тебя в руке.

А он улыбнулся так, снисходительно. Он это любит. Всегда улыбается, как будто взрослый. И говорит:

— Земля похожа на блин.

Тут уж другие мальчики вмешались. Коля Воблый, не зная Сениного характера, даже рассердился, да как закричит:

— На блин?! Вот, дурень! Земля—шар. Она круглая, как мячик или как яблоко.

Сеня посмотрел на него, так, одним глазом, и медленно, медленно, сквозь зубы ему:

— Нет, это ты дурень. Земля не круглая, а плоская. Плоская, как блин на сковородке.

Тут уже все рассмеялись, когда он сказал про сковородку.

— Что же, значит, — спрашивает Миша Игнатов, — она и шипит, когда ее солнцем прижарит?

Новый французский премьер

Фот. А. Гарлинг.

Эдуард Эррио, мэр города Лиона и вождь французской радикальной буржуазии, сменивший Пуанкаре и премьер на два часа.—Марсаль, во главе французского правительства. Одним из основных программных заявлений Эррио является его желание восстановить нормальные отношения между всеми частями Пуанкара.

Забастовка пивоваров в Берлине

Фот. Дик. Граутенц

В Берлине вспыхнула крупная забастовка рабочих-пивоваров, продолжавшаяся несколько дней. В настоящее время забастовка ликвидирована. На снимках: слева—сходка пивоваров; справа—бастующие рабочие пивоваренных заводов выпускают пиво из бочек, вывозимых штрейкбрехерами.

— И шипит.
 — Что-то я никогда не слышал, как земля шипит.
 — Глухарь, значит, ты. И ничего больше.
 — погодите, ребята!—вмешался опять Сенька Воблый.—Я у него спрошу. Ты говорил, Тимохин, что земля плоская? Ну, а почему из Москвы Петрограда не видно? Почему? Муха, которая села на блин, видит все, что на блине делается. А почему мы отсюда не только что Петрограда, а и Калуги или Рязани не видим? Почему?
 — Потому, что далеко. Глаз не хватает. Мало каган поел.
 — Дура еще дальше, или звезды, а мы же не знаем...

— Правильно!—закричали все.—Почему? Сенька ничего не ответил. Поблудил тылава. А потом поднес кулак прямо к Козьмому носу:

— Слушай, ты, говорит, вобла существует. Петрограда из Москвы не видно, а вот это ты должен хорошо рассмотреть. Как для тебе в морду пару разов, так и будешь видеть, как сверить со мною...

Бросил мяч, повернулся и ушел. Уж подумели немножко. Хотели ему мальчишке «дурака» послать, да сдержались. А потом опять решили играть в подстенки. Козле Воблому вышло подстенком быть. Взял он в руки мячик, повертел его и покосился. Вспомнил про блин, должно быть. А потом—как трахнет мячем в стену. Я расставил руки, хочу поймать, а сам гляжу на мячик и думаю: вот так и бомба летит в пространстве, как черный шарик, только еще быстрее. Завезался—и облетает, уронил мяч. Пришлось опять подстенком быть. Я ничего, я люблю быть подстенком. Вдарил, по крайней мере, мячиком так, что он отлетит шагов на 20. Но зато уже, если поймают его кто-нибудь из мальчишек посильнее, то так огреет тебя, что потом синяк будет недели две.

Только взял я мячик, подхожу к стенке: идет опять Сенька Тимохин. Прямо ко мне:

— Давай мячик!
 — Мы играем...
 — Я тоже буду играть.
 Откуда я ему мячик, а он—трах, и перекинул его через стену.
 Тут все закричали:
 — Это святство! Доставай мячик! Лезь через забор!
 А Сенька стоит, бледный весь.
 — Стойте, — говорит. — Не волнуйтесь

так. Я вам мячик достану. А вы мне прежде вот что скажите: есть бог или его нет?

— Пошел к чорту со своими вопросами!—как закричит на него Козля Воблый.— Достань мяч, или мы тебе покажем, как расстраивать нашу игру...

Тимохин только улыбнулся, снисходительно, как он любит. И опять к Воблому:

— Ну, скажи вот ты, вобла. Бог есть? У Миши Игнатового отец коммунист. Мой папа хоть и беспартийный, а тоже в бога не верит. Мы с Мишей и говорим:

— Бога нет.
 — Докажите.
 — Докажи ты, что есть.

— Бог в моих доказательствах не нуждается.

— А мы нуждаемся.
 Сенька ничего нам не ответил. Он все как-то через наши головы на Козля Воблого глядел.

— Слушай, вобла,—опять его спрашивает,—как по твоему: есть бог?

Козлин отец—профессор; он старостой в соборе, и Козлю всегда в церковь гоняют. Но тут его зло разобрало: чего к нему Сенька пристаёт и «воблой» его называет.

— Ты нас тут,—говорит он Сеньке Тимохину,—про бога допрашиваешь. А скажи, пожалуйста, знаешь ты сам, что такое бог?

Забастовка лондонских трамвайщиков

Press-Photo-News-Service

Трамвайные рабочие Лондона не удовлетворились половинчатым решением, вынесенным два месяца тому назад комиссией из владельцев трамваев и представителей грод-юниона. В заботе об удобствах лондонских жителей и благопристойности города Лондона, комиссия очень мало думала об интересах трамвайных рабочих. Теперь лондонские кондуктора и вагоновожатые решились на забастовку уже без благословения профсоюзных чиновников, один раз обманувших их интересы и слишком уже рьяно охраняющих добропорочного лорда Аберлена, которому принадлежит лондонский трамвай. На снимке—сходка забастовщиков в Гайд-парке.

Фот. корреспондента «Огонька».

— Не желаю отвечать. Ты мне не допросчик
Тут уж мы все закричали:
— Не знаешь!.. Не знаешь!..
А он:
— Врете, говорит, знаю.
— Ну-ж, что?
— Бог—это сила. Кто самый сильный, тот и бог.
— Ну, значит,—засмеялся Коля Воблый,—сейчас я бог,
потому что я тут самый сильный.
— Врешь! Я сильнее тебя!
— Ну, докажи, что ты сильнее.

Не успел Коля Воблый сказать это, а Тимохин как размахнется, и—раз, кулаком его в лицо. Коля: «ай», и зашатался, и из носу у него кровь пошла. Мы все испугались и побежали, кто куда. А Сеня нам вдогонку:

— Ну, что,—кричит,—поверили теперь черти, в бога? Даже вобла, и та теперь верить будет!..

Повернулся и пошел потихоньку прочь не оглядываясь. Вскоре после этого Сеня Тимохин совсем исчез. Мы часто о нем вспоминали, да никто не знал толком, где он и что с ним. И вот, видите, случайно, как встретились...

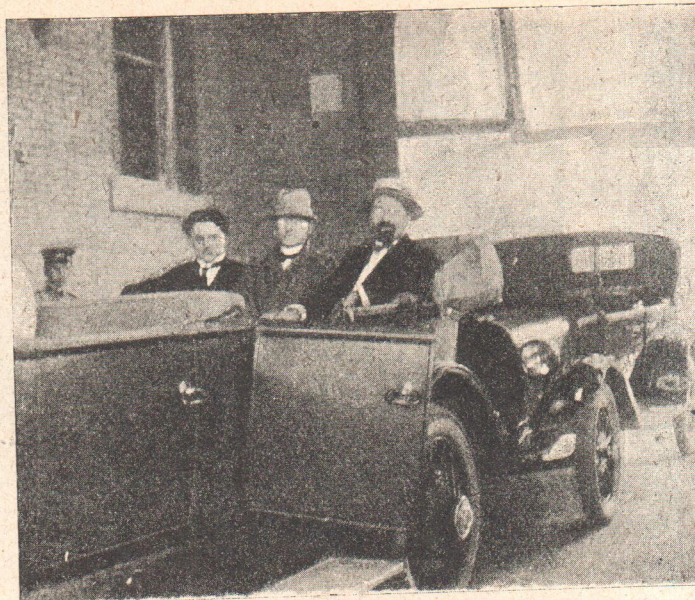
Андрюша умолк, оживление его прошло, он как-то весь вдруг осунулся, точно завял. Только в глазах еще горел восторженный огонек, вызванный неожиданной встречей. В этих глазах я без труда мог прочесть, что Андрюше страстно хотелось бы стать таким же, как Сеня Тимохин—стройным, красивым... и храбрым.

Владимир Василенко.

Похороны Благоева

Гроб с телом основоположника российской и болгарской ком. партий Дмитрия Благоева перед открытой могилой.

Глава чрезвычайной миссии СССР в Китае Л. М. Карахан возвращается в помещение миссии после подписания договора с китайским министром иностранных дел Веллингтоном-Ку.

Красноармейское

Стихотворение А. Ясного.

В кустах дорожных виснет ругань
И не от солнца горячо.
Гармонька—верная подруга
И лихо дергает по кругу
Красноармейское плечо.

Эх, припуститься б в пляс и ружьям,
Но тянет в небо синь штыков.
И все звончей гармонька тужит
И враз высвистывают дружно
С полсотни свистунов.

Душа армейским именинником
Под блузкой пляшет трешака,
И точно новенький полтинник
Блестят, искрятся и не стынут
Глаза политрука.

Эх-ма, от жаркого озноба
Пустилась песня в каблучек—
«За власть советскую до гроба»
Да солнце—верная зазноба,
Целует губы горячо.

А. Ясный.

Съезд германских социал-демократов

Фот. Дж. Грауден

В Берлине на-днях состоялся очередной съезд (партейтаг) немецких меньшевиков. На съезде, кроме признанных вождей германских социал-демократов, приняли участие «гости», вроде выгнанного из пределов СССР меньшевика Дана, экс-эра Левина, их бельгийского приятеля и короля ского министра Де-Брукера и других, не менее зарекомендовавших себя предательством господ. Первые дни съезда прошли под знаком теш перед все растущими силами германской коммунистической партии и Коминтерна.
На снимках: направо—президиум съезда—первый ряд—слева направо: Хенке, Левин (Россия?!), мисс Вель (Англия), Дан (тоже Россия), Криспин, Диттман (Германия). Второй ряд: Вельс, де-Брукер (Бельгия), Герман Моллер, Андерсон (Дания). На первом—заседающий съездом во время речи прусского министра Брауна. На председательском месте—Диттман.

В центре сидят: Председатель ЦИК Союза М. И. Калинин, секретарь ЦИК Союза А. С. Енукидзе. Влево по порядку от М. И. Калинина сидят члены Президиума ЦИК СССР: Миха-Цханава—Предикс Турции, т. Тер-Габриэлян, Д. И. Курский—Наркомост, И. Н. Смирнов—Наркомпочтель СССР, А. Т. Приходько—полпред УССР и Мороз—полпред БССР. Вправо от А. С. Енукидзе (сидит за большим столом) по порядку члены Президиума ЦИК Союза: Сырыпни—Наркомост УССР, Киселев—секретарь ВЦИК, Толоконцев, Альский—докладчик от НКФ и чл. през. ЦИК—Элизава—Предсовнарком Грузии. Вправо от стола президиума сидят: завед. секретариатом През. ЦИК т. Черлончаевич и стенографистка т. Трещалина.

СИЛА ВЕЩЕЙ

Рассказ *Александра Яковлева.*

(Окончание *)

— Что это в сам деле? Пришел нивестя обидца, мы уж и панафиды служили, думали, слава богу, сдох, а он на-ка тебе, пришел! И сапоги требовать. Не дам сапогов.

Самю собой, тут мать вмешалась, и пошла у них пальба в роде из пулеметов. (Бабы известно!). А Гринька сидел зеленый и дукал:

— Ежели я эту Параньку в ухо долбану, будет аль не будет брату обидца?

И решил, что брату будет обидца, от греха ушел на сушилы и пролежал там до вечера. Вот как разобиделся, что и обедать не пришел. Ночью уж только с сушилы слез, отыскал на улице Настасью, совет с ней держал. А у той—все, как на ладони.

— Женись на мне, и требуй, чтоб отделение. Свой дом, свой разговор. Аль мы без них, продов, пропадем?

— Жениться. Да как жениться, ежели у меня штаны дыра на дыре?.. Без штанов жениться невозможно.

— Ну, штаны чать справят... Ты погоди.

— Да как поговорить? Вот отец-то, все молчит и молчит.

— Иль, старый пс, молчит. Знамо молчит, Паранькину руку держит, — вся деревня звоном-звоном: твой отец к Параньке выдвинулся...

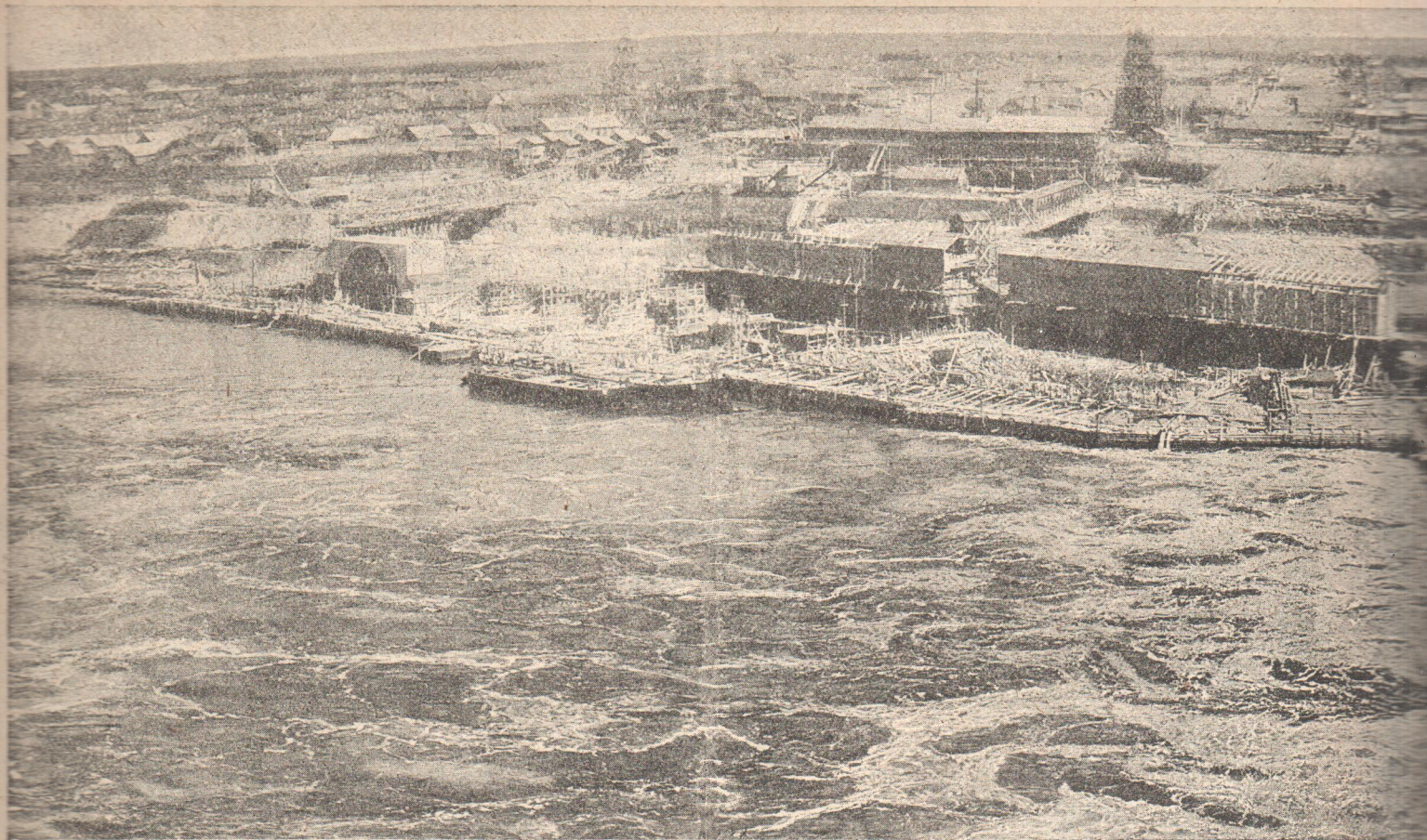
Палькнуло ножом Гриньку по сердцу. «Эна что-о!»

Знамя парижских коммунаров —

Фот. А. Гарлинга.

54 года охранявшееся парижскими рабочими, передается ими теперь Московскому Совету. На нашем снимке—пропе сля старых рабочих, современников Парижской Коммуны, в последний раз проносящих историческое знамя мимо Стены Коммунаров.

Общий вид

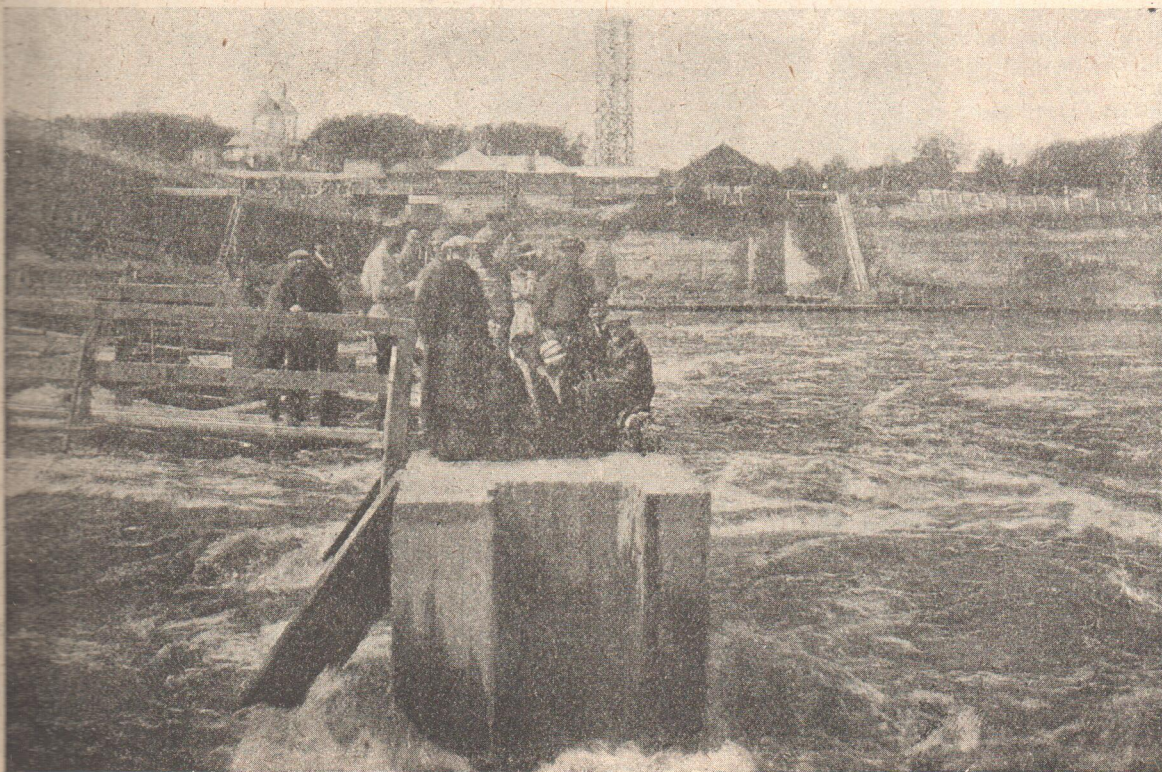
Сейчас идут усиленные работы по бетонированию низового массива силовой станции, которые должны быть закончены до заморозков. Строится перемычка на реке Волхове, которая необходима для постройки плотины между крайним левым кессоном и левым берегом. Чувствуется широкая механизация бетонных работ, построен мощный центральный бетонный завод, кончается постройка подвешенной постройке самого здания силовой станции, монтаж турбино-генераторов и электрическое оборудование станции. В конце 1925 г.

— Прямо требуй, чтоб отделили.. Аль
ты обсевок какой?
— Знамо, тут и разговору...

Хотел что-то сказать, но не может —
губы дрожмя дрожат.
Ну что ж, на утро Гринька прямо к отцу:

— Покунай, тятя, сапоги и пеньжак.
Отец ему хмуро:
— Постой, сынок, вот даст бог урожай, справим и сапоги и пеньжак.

ВОЛХОВСТРОЙ

М. И. Калинин на кессоне для плотины с группой работников Волховстроя. Рядом с тов. Калининим главный инженер Волховстроя тов. Графтио (в форменной фуражке):

Яков услышал и этак глузливо:

— Пеньжа-ак... Только только, прости Господи, с воза соскочил, и давай ему пеньжак.

И опять тут началось. А дня этак через два, больше, дело прямо в корень вломилось:

— Отделяй, коли не хочешь меня справлять!

Это отцу-то такое. Да ведь господи, как решительно так вот так в бороду и вцепляется. А, боясева, галахова морда. Научился там разбойничать.

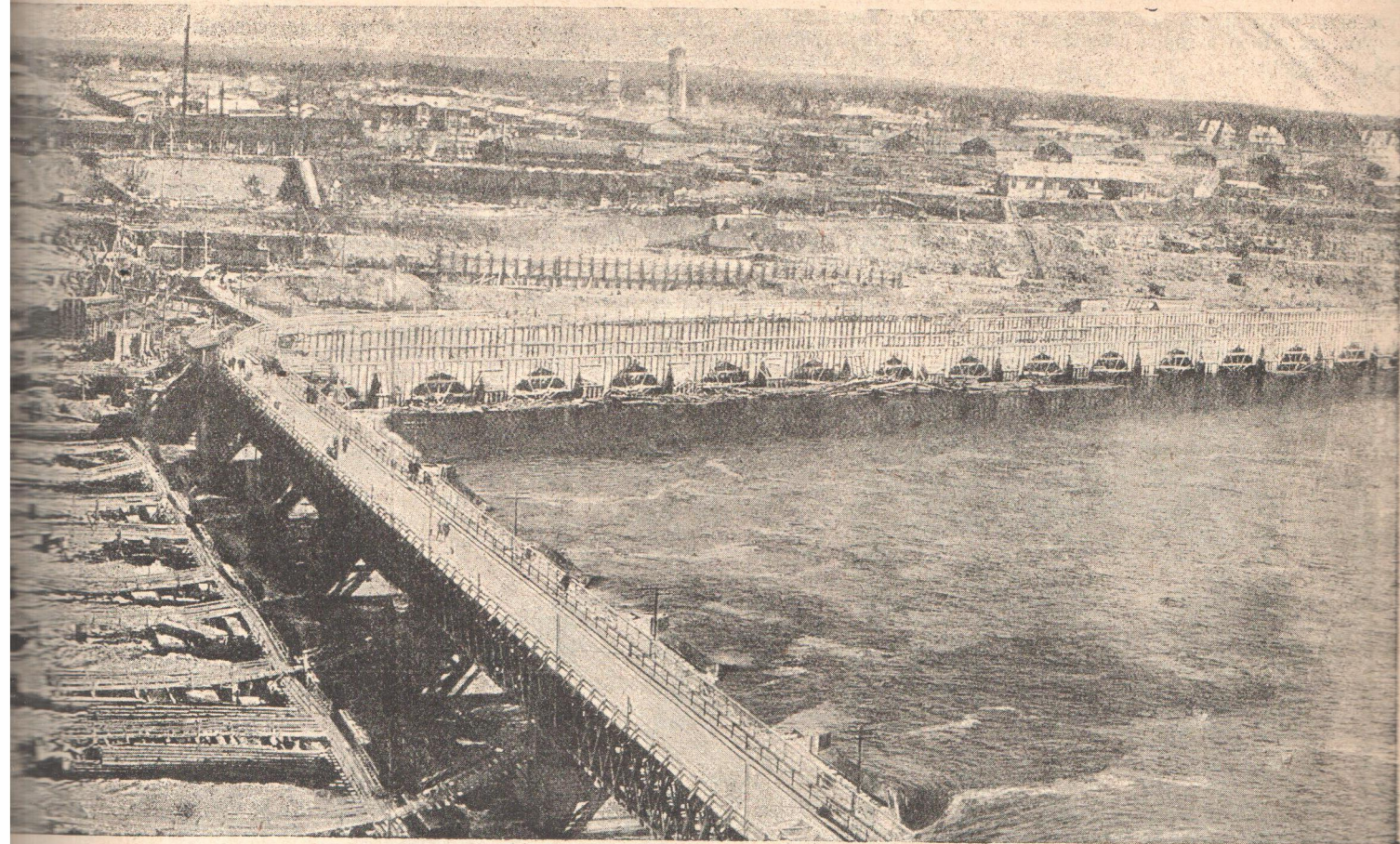
Опять, как две недели тому назад, и под окнами и у ворот — во всю улицу — у Миневых стояла толпа — только теперь не весельем любовались, а дракой.

— Дай, дай ему, Гришенька. Ишь, негодный, сына родного обделить хочет из-за стервы из-за этой.

— Ай да герой, так им! Ребята свистали, улюлюкали — не часто так можно развлечься.

Ну чтож, не даром Гринька четыре года пропадал, узнал все пути и выходы, — пошел по селу, к одному, к другому, и третьему, — права теперь известные.

— Может отделить?
— Может.

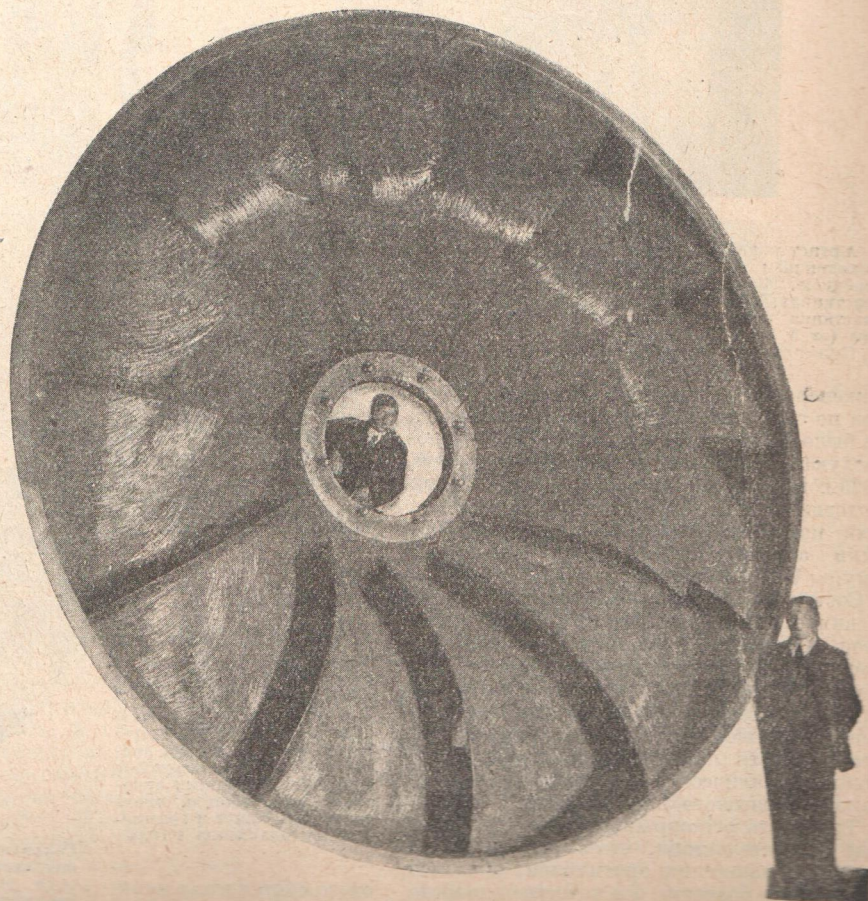

1924 г.

...начнется бетонная кладка шлюза, которая также должна быть закончена до заморозков, т.е. не позднее 1 декабря. Идет работа по изготовлению железных щитов для закрытия отверстий между кессонами. В связи с этими работами заканчивается жел. дорога и краны для разгрузки бетона. Таким образом, на 1925 г. остается окончание железобетонных работ по которым начнет подавать энергию. Предполагается, что к этому времени станция будет обладать мощностью в 60.000 лошадиных сил.

— Как, старички, вы на это взгляните?
 — Что ж, требуй. Мы тебя поддержим, ставь ведро
 — Ну и не горюй.
 — Да я бы за самогоном не постоял.
 — Ну так мы тоже не постоим.
 — Ну с собой, у Минеевых узнавали все в тот же час:
 — Гринька был, и с кем Гринька говорил и какие
 — выходы мотил
 — Ну с двоям этаж через пять спит Гринька на сушилах, —
 — слышу дело, — слышит, внизу, в конюшне, лошадь за-
 — кто-то осторожно выводит ее на двор.
 — Не зоры ли?
 — Ну лень проснуться. И сквозь сон слышит шопот:
 — Ты скажи еще, оружие мол у них зарыто. Вот
 — прощел час, так всю коммунию хотят перерезать.
 — Не года под ряд коммунистов резал, и теперь хочет
 — ...
 — Да уж, все слышал.
 — Ну вот, и свидетелев ставь. Сам знаешь кого.
 — Ну, не болтай! Встретится кто, скажи, в город
 — ...
 — ... такой шопот. Гринька сквозь сон подумал:
 — ... говорит... Про кого это?
 — ... не может: лень проснуться. Только слы-
 — ... после, — скрипнули ворота и застучала телега.
 — ... ж, дня через два, вечером, целый отряд к Ми-
 — ... на двор, — Гриньку заграбастали; и никто даже
 — ... «Не надо было болтать. Ну, был там и был,
 — ... бы, а то вся тайна, как муха на лысине; раз-
 — ... так то». А вместе с Гринькой арестовали еще
 — ...
 — ... этих скоро отпустили. Вернулись они сердитые,
 — ...
 — ... что вас?
 — Да вот связались с этой балаболкой, с Гринькой
 — ... рассказали им, что он говорил, да как грозил,
 — ... мы говорили... А у нас какой разговор? Какая
 — ... Вышла да еще — вот и вся наша политика.
 — ... а его-то отпустят?
 — ... отпустят... похоже, плотно уселся.
 — ... у Минеевых, только Паранька этакой
 — ... А мать все — слезы не осушая.
 — ... мой, Гришенька...
 — ... через ведалку собрались старики Минеевы в город.

ВОЛХОВСТРОЙ

Кососпальная турбина, привезенная из Швеции. У турбины в центре ее шведские инженеры, установившие ее на Волховской гидро-электростанции.

к сыночку, проведать, приехали, разузнали, где тюрьма, где что, крендельков купили сидящему-то, понесли, а там порылись в книге в какой-то и...

Туда-сюда засуетились Минеевы, поминки справлять. Яков в город сгонял — воз целый еды привез.

А после панихиды поминали. Четыре стола было и в три смены. Прямо не запомнить таких поминков.

— Душеньку то Гришенькину помяните. Отец Геннадий вздохнул:

— Вот служили в те поры панихиду, а он вернулся, а теперь уж не вернется...

И все грустно опустили головы и на момент перестали есть.

— Да-а, уж теперь не вернется.

— Не нужно было, не нужно ему было болтать лишков. Знает, ну и знай. Теперь как? Живи да помалкивай...

Александр Яковлев.

Голос Ленина сохранен для потомства

Применение граммофонных пластинок для агитационных целей впервые было начато у нас в 1919 году австрийским

[Фот. А. Тулеса.]

патент давно уже заброшен современной техникой и ныне функционирующий аппарат для записи является более усовершенствованным.

К гальванизации приходилось приступать с особой осторожностью, применяя для фиксации оригинала лучший препарат бромистого серебра. При гальванизации приходилось все время наблюдать за постепенностью наращивания. При такой тщательности все-таки некоторые матрицы приходилось повторно наращивать.

Ленинский Институт обратился к г-р. Кернеру с просьбой изготовить матрицы для

ства, в неприкосновенном виде, под стеклом.

Сейчас и эта сложная задача выполнена, согласно последним требованиям техники. Фабрика «Пятая Годовщина Октября» в настоящее время приступила к новому выпуску, таковых со вновь изготовленных матриц. Директор фабрики тов. П. П. Ефимов озоботился о снабжении пластиночного отделения должным количеством наилучших химических материалов. В особенности важную роль, в составе граммофонной пластиночной массы, играет шерлак. Его к нам, за последние годы, доставлено ничтожное количество, ибо вывоз такового из пределов Германии встречал серьезные препятствия лицензионной комиссии германских пограничных властей.

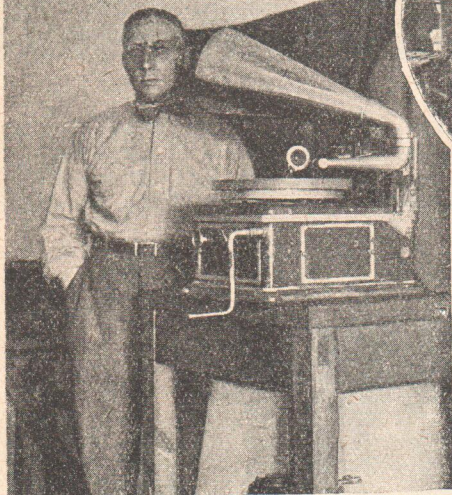
Музпред, в ведении которого, в настоящее время, находится наше граммофонное производство, уже приняло надлежащие меры, для получения шерлака из Италии, где имеется представительство южно-американских и африканских плантаций. Таким образом, мы вскоре получим высшие сорта этого ценного, для граммофонной пластинки, вещества, благодаря которому новый выпуск ленинской пластинки будет снабжен достаточным процентным содержанием шерлака, что чрезвычайно важно для

достижения мягкой звучности и ясности воспроизведения.

Конечно, при всех усилиях, сделанных со стороны администрации нашей фабрики, ленинская пластинка все-таки не будет вполне безупречна, но ее недостатки, по мере возможности, сглажены, а в некоторых отношениях устранены. Получится большая звучность, мягкость вибраций и устранено, по крайней мере, 20% бывших шумов.

Речи великого вождя спасены для потомства и в этом великая заслуга фабрики «Пятая Годовщина Октября».

И. Р

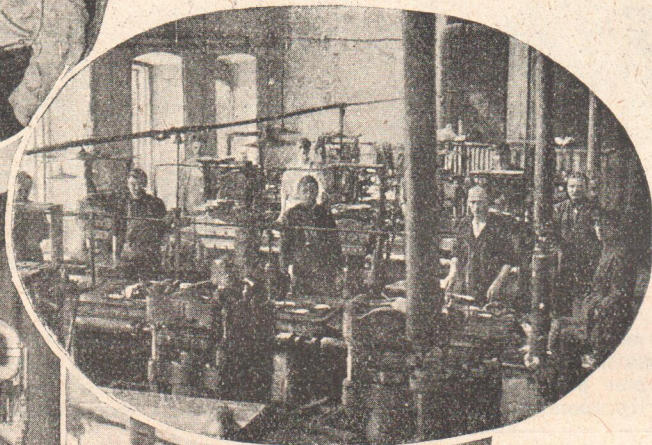
Артист поет пластинку. Он поет в ружор, выходящий к записывающему аппарату, за перегородку. Запись производится на восковых пластинках. У артиста в руках часы, т. к. каждая пластинка рассчитана на ограниченное количество (от 5 до 6¼) минут.

Инженер прослушивает оригинал записи.

инженером Влеше. Выдающихся инженеров по этой специальности в РСФСР тогда не было и пришлось удовлетвориться малоизвестным мастером. Лишь с марта 1923 года на граммофонной фабрике «Пятая Годовщина Октября» стал работать бывший помощник главного инженера фабрики английской компании «Пишущий Амур» В. А. Кернер.

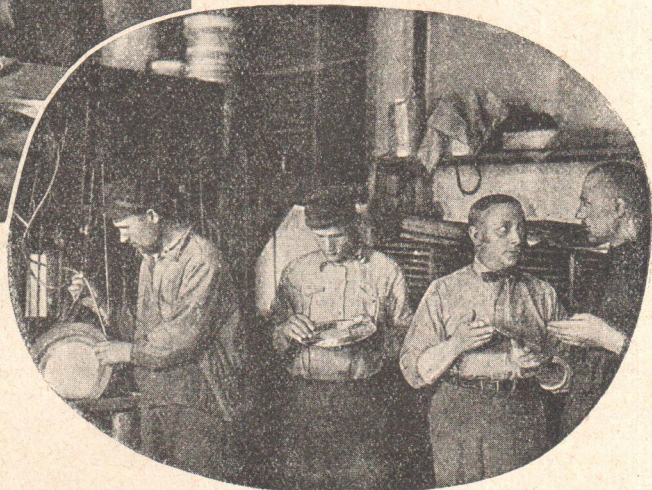
Состояние здоровья Владимира Ильича Ленина не позволило ему произнести снова свои 12 речей, неудовлетворительно записанных неумелым мастером Влеше. Инженеру Кернеру предстояла техническая задача спасти для потомства речи великого вождя. Главная задача заключалась в том, чтобы спасти оригиналы и с них снять новые металлические матрицы, путем гальванопластического наращивания.

Трудность реставрации усугубилась еще тем обстоятельством, что воск, примененный для нанесения оригиналов, оказался невысокого качества, а в качестве аппарата для записи Влеше применял первобытный тип рекордера, системы Джонсона. Этот

Общий вид прессовочного отдела пластинок.

Полумягкая теплая масса вкладается на металлическую форму—матрицу вместе с этикетом. Рабочий держит наставе горячий пласт из массивной меди, которым нажимает пластиночную массу. Затем матрица вместе с пластом поступает под давление многих атмосфер, охлаждается, затем снимается пласт и граммофонная пластинка готова.

этого института, в музее которого они будут сохраняться для потом-

Гальванопластический отдел фабрики. Налево—рабочий осторожно опускает оригинал из воска для наращивания на него красной меди. В середине—заведующий гальванопластической фабрики через увеличительное стекло рассматривает чистоту линий наращивания. Направо—инженер Кернер показывает директору фабрики П. П. Ефимову восстановленную матрицу пластинки Ленина.

ЕВРЕЙСКАЯ БЕДНОТА

Очерк Г. Рыклина.

1. Есель-Калб.

Однажды мне нужно было расклеить по мещу Тиновичи какие то афиши. Мне советовали обратиться к Еселе-Калбу: — От него все зависит: и спектакль проиграть, и ежели вам нужно умереть, так и вас и похоронит.

Я пошел по указанному адресу. Меня удивили, что настоящая фамилия адресанта — Слуцкий, а Калб — прозвище (Калб — еврейски — теленок).

Вхожу в большой грязный двор. Сорными дорожками высветятся несколько избенок.

... Вставляю оконца, закрываю от холода и солнца, только за полчервонца!..

— Где здесь живет Есель Слуцкий? — обратился я к женщине, идущей по двору.

— Есель Слуцкий? Слуцкий?.. Такого нет на этом дворе.

— Как нет? Вот у меня записан адрес.

— Что мне ваш адрес? Слава богу, живу уже 10 лет на этом дворе... Да на всей улице у нас Еселя Слуцкого нет...

— Как же так? Его зовут еще Есель-Калб.

Лицо женщины озарилось радостной, приветливой улыбкой.

— Есель-Калб? Так бы вы и говорили... Это же — мой муж...

Еселя Слуцкого никто в мещечке не знал. Есель-Калб знал и стар и млад. Есель-Калб — самая популярная личность в Тиновичах.

Ибо Есель-Калб занимает самые ответственные посты в мещечке. Остановимся на главнейших из них: помощник служки в синагоге, расклейщик афиш, активный деятель «святого братства», сторож талмудторы, заместитель банщика и прочая и прочая.

Кроме того за небольшую плату он в синагоге со всей подобающей плаксивостью читал «кадиш» по усопшим бездетным родителям. (Обыкновенно эту молитву в течение года читают сыновья покойника).

Есель-Калб знал хорошо свое дело. Все исключительные бездетные богачи были у него на учете.

Однажды он пришел к мануфактурщику Бомштейну и попросил дать ему пять рублей.

— Как, пять рублей? Ты с ума сошел, Есель-Калб?

— Следует... Даром денег не прошу.

— Как следует? За что?

— Ведь мне все равно придется в скором времени говорить по вас «кадиш». Вот и дайте мне наперед рублей пять. — Деньги почти уже заработаны...

— Вон, скотина! Чтоб ноги твоей в моем доме не было!..

Есель-Калб покорно вышел. Но через две минуты Бомштейн вернул его и трясуцимся руками вручил трешницу.

Есель-Калб копал на кладбище могилы. От него часто зависило дать покойнику «хорошее место».

Пришел Есель-Калб к лесопромышленнику Шнейеру и смиренно заявил ему:

— Уже почти готово... Только шелевок еще нет...

— Что готово?

— Так... Нечего было делать... Так и себе потихоньку копал. Эх, и могилу я вам приготовил! На каком хорошем месте... Все рассказанное относится к до-революционному периоду. Но и после революции Есель-Калб остался на всех своих должностях. Доходы только стали меньше.

Но Есель-Калб не робеет. Ему «все это» нравится:

— Довольно буржуазам сидеть на шее.

Есель-Калб в своей работе начал проводить классовую линию. Привезут на кладбище покойника, он немедленно спрашивается о его социальном положении.

— Богач? О, я знаю, что ему хотелось бы лежать около раввина. Прошло время буржуев... Довольно!..

Но наступило плохое время для Еселя: доходов мало, шесть человек детей хотят есть.

— Ни только я сам, но даже жена, уж на что женщина, и та не прочь покушать, — шутит Есель.

Пришлось Еселею оставить в стороне некоторые из его «свободных профессий» и заняться другой работой.

Теперь он ходит по мещечку и выкрикивает:

— Вставляю оконца, закрываю от холода и солнца, только за полчервонца?!

2. Хацель-Капуста.

Если часов в 11—12 вечера пройдет в центр мещечка Тиновичи, где расположены «магазины», вы в ночной тишине услышите душераздирающее молитвенное пение.

Когда же подойдете поближе к певцу, он иступленно закричит: — кто такой?

И вслед за этим ночной певец пускается от вас бежать стремглав.

Когда же вы догоните его и он увидит кто вы, он примет гордую позу и скажет:

— Я — сторож. Стерегу вот магазины. Чего шляется по ночам... Уходите, уходите подальше...

Этот храбрый страж и есть знаменитый в мещечке Хацель-Капуста.

Хацель — человек скромный, привыкший к повиновению и смирению.

Известен такой случай из жизни Хацеля. Несколько лет тому назад жена его должна была родить. В самую критическую минуту Хацель испугался и побежал к раввину за советом — что делать?

Раввина не было дома. Его встретил внук раввина Янкель, 16-тилетний паренек. Пройдох!

— Мне очень нужен раввин.

— Зачем вам? — серьезно осведомился Янкель.

— Ой, ты в этом ничего не понимаешь...

— Расскажите, Хацель. Может, и помогу.

— Ну, что ты можешь... Если б дедушка был дома... Дело в том, что жена моя рождает... Кажется, умрет.

— Ничего. Идите домой и поставьте самовар.

— Как? Что? Зачем самовар?

— Идите и ставьте самовар. Знаю, что говорю.

Хацель покорно побежал домой. Минут через 20 он радостный прибежал к Янкеле и начал его благодарить:

— Помогло! Чтоб тебе дожить до 120 лет!

Раввин уже был дома и, когда радостный Хацель ушел, осведомился у Янкеле зачем он посоветовал ему ставить самовар.

— Дело в том, — ответил Янкеле, — я подумал так: пусть поставит самовар. Если она умрет, то ее этой водой омоют, если же останется жить, то будут пить чай...

Хацель-Капуста был всю жизнь благодарен Янкеле, и в ночной тьме в своих

... Воды холодной!..

молитвах, возле городских лавок, тепло вспоминал «мудрого» Янкеле.

Скоро Хацелю пришлось расстаться с лавками. Начал Хацель искать себе «кусочек хлеба». Вскоре его определили курьером в профбюро.

Хорошо! Одно лишь скверно: плоха память у Хацеля да и трудно ему разобраться во всех тонкостях профдвижения.

Был такой случай: назначили для швейников доклад «Текущий момент и задачи воензага». Велели Хацелю оповестить все швейные мастерские. Но перепутал Хацель. Собрал он на доклад деревообделочников. Приезжий докладчик целый час в поте лица своего говорил бондарям и столбяркам о задачах воензага.

Наступил НЭП. Хацель был сокращен и завел свое дело — «молочный трест». С утра до вечера он ходит по домам и предлагает «самое свежее» молоко, «самое лучшее» масло — прима!

«Молочная Капуста» — зовут его теперь в Тиновичах.

Г. Рыклин.

Мечеть в Галате, построенная Сулейманом Великолепным.

Старая и новая Турция

От специального корреспондента «Огонька».

Глядя на расфранченных левантинцев, заговливающих по «Гранд-рю-дэ-Пера», забываешь о новой, возрождающейся Турции. Галата и Перу с европейскими магазинами, банками, комиссионерствами и сверкающим французским языком — это

лишь преддверие настоящего османского города... Здесь все по старому, как до войны, оккупантов и революции... Люди, как «в доброе старое время», торгуют, суетятся, менее всего думая о планах национального собрания, заседающего в Ангоре... Им

нужны лишь деньги — их дает спекуляция.

Но стоит лишь выйти из торгового района и углубиться в кварталы с чисто турецким населением — и вы убедитесь, что теперь Турция уже не та, какой было несколько лет назад.

Годовщина ухода союзников из Константинополя

Фот. W. Sender.

Скоро исполнится годовщина со дня оставления Константинополя союзниками. Они откладывали со дня на день свой отход, но в конце концов все же должны были покинуть древнюю турецкую столицу... Более того, им пришлось оказать воинские почести вступающим кемалистам. Последних население встречало восторженно. Первый раз после 4 лет западно-европейский дипломатический корпус приветствовал представителей возрожденной Турции.

На снимках: влево — уход войск; направо — генерал Гарингтон (в белом) уходит со своими отрядами из Константинополя.

Долой чадру.

Такая же турецкая женщина была затворницей, гаремной рабыней, лишенной права показываться без пскрывала. Выступить против такого порядка считалось «великим преступлением». Словом недавно, за год или два до великой войны, один интеллигентный турок, живший в Синопе, «рискнул» устроить свой дом по-европейски и предоставить жене «некоторую свободу»... Вышел колоссальный скандал: новатора стали бранить и затравили до того, что он должен был переехать в один из городов нашего Закавказья...

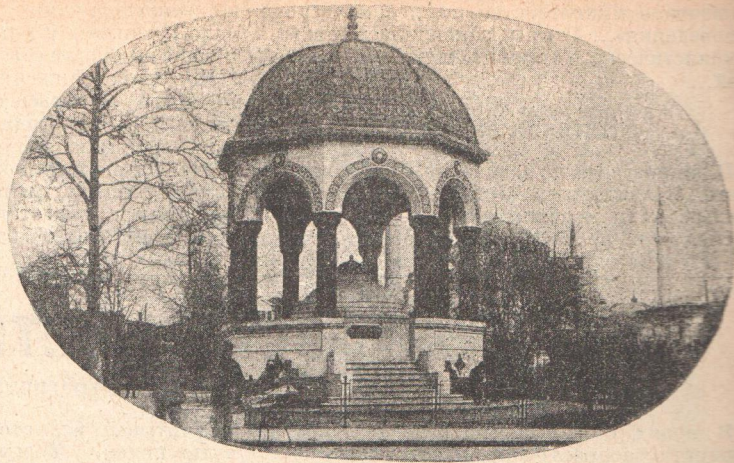
Под напором ударов, обрушившихся на оттоманское государство, открыло туркам глаза на многое... У власти стали люди, считавшие себя не только националистами, но и революционерами. Они нашли в себе мужество упразднить калифат, дискредитировав свободу совести и низложить султана... Они же сделали первые шаги к раскрепощению женщины...

Всего двух лет тому назад, жена Кемаль-паши — Латифех Кемаль — первая из турецких женщин, сняла чадру. Пример не нашел много подражательниц и сейчас в Константинополе вы не встретите женщин, скрывающих лицо под чадрой... Даже в Адгоре и других больших городах... Глухая провинция еще держится за старину, но и туда постепенно проникают «новшества» повзвещения.

Сейчас в Константинополе издается специальный «женский журнал», а также вышло ряд женских журналов как общенациональных, так и местных. Гарем, или вернее «халим», больше нет. Турецкая женщина может без провожатого зайти в магазин за продуктами, посещает театры и даже бывает в кино.

Брак по любви и многоженство.

В прежние время жених почти не видал невесты до самой свадьбы «предназначенной» ему невесты; личное участие не играло при браке никакого значения... Новая Турция знает браки по любви... Но как

Гробница султана Магомета.

Мечеть, переделанная из древнего храма св. Софии.

это согласовать с полигамией? Турку предоставляется право иметь несколько жен, но он может ограничиться и одной... Большинство прогрессивной интеллигенции обходилось и прежде без гарема, работая же и горожанам держать несколько жен было не по средствам... Единственными «убежденными» сторонниками многоженства являются зажиточные фермеры Иконии и Анатолия. Для них каждая лишняя жена — это «добавочная рабочая сила».

...Если бы не протесты этих «кулаков-землеробов» возможно, что ангорское национальное собрание (меджлис) давно бы уже издало декрет об отмене «многоженства».

Религия.

Когда Муста-Кемаль с группой людей, беззаветно любивших Турцию, удалился в глубь Малой Азии — султан продолжал оставаться в оккупированном союзниками Константинополе. Со вступлением в город ангорских войск последний из «гласителей «блистательной порты» должен был распрощаться с тронном. Потеряв политическую власть, султан все же остался главой правоверных — калифом... Кемаль и окружавшие его люди сразу учли всю опасность положения и уяснили себе, что «калиф правоверных» мог в один прекрасный момент стать снова императором оттоманов. Калифат был упразднен,

Главная улица европейского квартала Константинополя, Гранд-рю-де-Пера (середина улицы).

сервов отделена от государства и даже организовано министерство по делам «вероисповедания»... Этим и закончилась борьба феодального правительства с религией...

Интеллигенция.

В данное время главная из забот ангорского правительства—это «создать собственный кадр «специалистов».—До самого последнего времени чистокровные «отто-

маны» были военными, чиновниками или же земледельцами. Турецких школ было мало и учились в них так плохо, что окончившие выходили совершенно «недоучками».

Новая «возрожденная» Турция, конечно, не могла мириться с таким положением вещей и ее руководители принялись обучать «нужный кадр» людей из турок. Сейчас в Константинополе существует медицинский институт и целый ряд техникумов. На ряду с подготовкой лиц «свободных профессий» идет замещение чистокров-

ными турками различных технических должностей: снимается ряд муниципальных служащих левантинцев и на их место становятся турки. Греки, капитаны пароходов и лопманы, заменяются османлисами. Последнее проходит не всегда безболезненно: плохо знающие морское дело командиры-турки лишь за один апрель месяц этого года посадили на камни семь пароходов, из которых два—только что купленные ангорским правительством.

К. Григорьев.

Как распространяется советская печать

„Контрагентство Печати“.

В целях создания мощного и гибкого аппарата распространения советской, партийной и профессиональной печати, 13-го

Учитывая все это, «Контрагентство Печати» подняло боевую кампанию за продвижение крестьянской газеты и литературы в деревню. С каждым днем растет количество киосков. Киоски сплывают вокруг себя работников деревни (учителя,

кооператоры, избы-читальни, политпросветы, сельсоветы, красноармейские части), посредством которых продвигают крестьянскую литературу в гущу крестьянского населения СССР. Так, например, тираж «Крестьянской Газеты» в апреле м-це с 6.000 поднялся до 30.000 экз., причем это количество растет с каждым днем.

Одновременно «Контрагентством Печати» ведется усиленная кампания по распространению произведений печати на родном языке среди национальных меньшинств, населяющих СССР, и по распространению партийной печати в связи с ленинским набором.

Работа «Контрагентства Печати» с каждым днем увеличивается. Аппарат «Контрагентства Печати» доведен до такого состояния, при котором может ежедневно выбрасывать в провинцию свыше одного миллиона экземпляров газет, журналов, книг и др. произведений печати.

А. И.

февраля 1922 года постановлением учрежден редакциями центральных газет было создано Т-во на правах «Контрагентство Печати». В задачи «Контрагентства Печати» входило распространение произведений печати по железным дорогам и водным путям СССР.

За короткий срок своего существования «Контрагентство Печати» справилось с возложенными на него задачами.

В настоящее время «Контрагентство Печати» имеет свыше 700 пунктов распространения, покрывающих сетью всю территорию СССР, вплоть до отдаленных окраин (Дальне-Восточная область, Сибирь, Туркестан, Закавказье), из них 125 имеется в Москве, свыше 350—на ст. жел. дорог, пристанях и пароходах и свыше 200 контрагентов 80% которых является партийными, профессиональными и кооперативными организациями, охватывающими большие районы в стороне от железных дорог.

Через эти пункты ежедневно пропускается 160.000 экземпляров газет (в это количество не входят местные газеты), еженедельно свыше 180.000 экз. журналов и ежемесячно свыше 300.000 экземпляров книг.

Большая часть киосков «Контрагентства Печати» находится в глухой провинции, куда наша печать пробивается с огромными трудностями и в этих условиях киоски «Контрагентства Печати» являются культурными центрами и одним из важнейших

1) Правление «Контрагентства Печати». Слева направо: И. Г. Веритэ (издат. «Пролетарий»), Р. М. Хатаевич (Госиздат), Э. Г. Голомб («Огонек»), В. П. Машкевич («Труд»), А. В. Жижарский (зам. директора-распорядителя), А. И. Ратнер («Транспечать»), Б. М. Эльдин (председатель правления К-ва Печати, «Красная Новь»), Е. К. Гренцион («Изв. ЦИК СССР»), А. Ю. Письмен («Правда»), С. М. Урицкий (крестьянская печать), А. А. Ильин (секр. правл.) 2) Директор-распорядитель Я. К. Губерт. 3) Центральная экспедиция К-ва Печати в Москве, с пропускной способностью до 1.000.000 экземпляров печатных изданий в день. 4) Киоск К-ва Печати на Казанском вокзале в Москве.

Рассказ О. Генри.

Постовой полисмен с торжественным видом подымался вверх по улице. Эта величественность в движениях была у него привычная, а не показная, потому что вокруг было слишком мало зрителей. Было только около десяти часов вечера, но холодные порывы ветра, пахнувшего дождем, совершенно обезлюдили улицы.

Пробуя на ходу все двери, удивительно ловко и искусно разгибая своей палочкой, бросая бдительный взор вправо и влево по мирной улице, полисмен, со своей высокой, статной фигурой и покачивающейся походкой, представлял красивый образец стража общественной тишины и покоя. Обитатели его участка всегда рано заканчивали свои дела, так же рано и ложились спать. Лишь кое-где можно было заметить огни в табачной лавке или же в баре, который работал всю ночь. Но большинство дверей принадлежало солидным торговым предприятиям, которые уже давно закрылись.

Дойдя до середины какого-то квартала, полисмен вдруг замял свой шаг. В дверях затененного магазина с железным замком стоял мужчина, с незажженной сигарой во рту. Когда полисмен подошел к незнакомцу, тот быстро заговорил:

— Все, полисмен, обстоит совершенно благополучно! — его голос звучал успокоительно: — я жду здесь моего друга. Мы должны встретиться здесь, согласно условию, которое мы заключили ровно двадцать лет назад. Вам, вероятно, несколько смешно слышать это, — верно? Ладно, если вам угодно выслушать меня, так я могу все рассказать вам, и тогда вы убедитесь, что я ничего страшного не представляю собой. Много лет назад тут, на месте этой самой лавки, стоял ресторан, — «Ресторан Большого Джоз».

— Ровно пять лет тому назад, — сказал полисмен, — этот ресторан был снесен с лица земли.

Человек в дверях чиркнул спичкой и зажег свою сигару. При свете показалось бледное, почти квадратное лицо, с пронзительными глазами и небольшим белым рубцом близ правой брови. В его кашне торчал крупный бриллиант, как-то странно высаженный.

— Ровно двадцать лет тому назад, вечером, — произнес незнакомец, — я обедал в «Большом Джоз» вместе с Джимми Уэллсом, моим лучшим другом и самым преданным товарищем на свете. Мы с ним, точно два брата, росли и выросли в Нью-Йорке. Мне было восемнадцать, а Джимми — двадцать лет. На следующее утро я должен был уехать на Запад, где решил основать свое богатство. Джимми ни в коем случае нельзя было выгнать из Нью-Йорка, так как он всегда считал, что этот город — единственное приличное место на свете. Ну, так вот... Мы условились с ним, что должны тут встретиться ровно через двадцать лет, день в день, час в час. Встреча должна была состояться независимо от нашего положения и расстояния отсюда. Мы полагали, что за двадцать лет мы уж выкуем свое счастье и добьемся богатства, — как бы ни сложились дела!

— Это очень интересно! — сказал полисмен. — Хотя, я сказал бы, что это — несколько большой промежуток времени между встречами. Ну, и что же: неужели вы ничего с тех пор не слышали о вашем друге?

— Нет, почему же! Мы еще некоторое время после разлуки переписывались. Но через год-два мы совершенно потеряли друг друга из виду. Видите ли, дорогой мой. Запад — местечко довольно большое, и бегал я по этому местечку много и весело, — не до друга мне было! Но я знал, что, если только Джимми жив, то он обязательно придет на свидание, потому что, повторяю, более верного и крепкого товарища, чем он, на свете не было да и не будет никогда! Он не мог забыть это! Я приехал сюда за тысячу миль и хорошо сделал, если только и старый товарищ мой явится на свидание.

С этими словами он вынул из кармана красивые часы, на крышке которых закружили многочисленные маленькие бриллианты.

— Без трех минут десять! — объявил он. — Ровно в десять часов мы тогда расстались у дверей ресторана.

— Ну, как: вы хорошо успели на Запад? — осведомился полисмен.

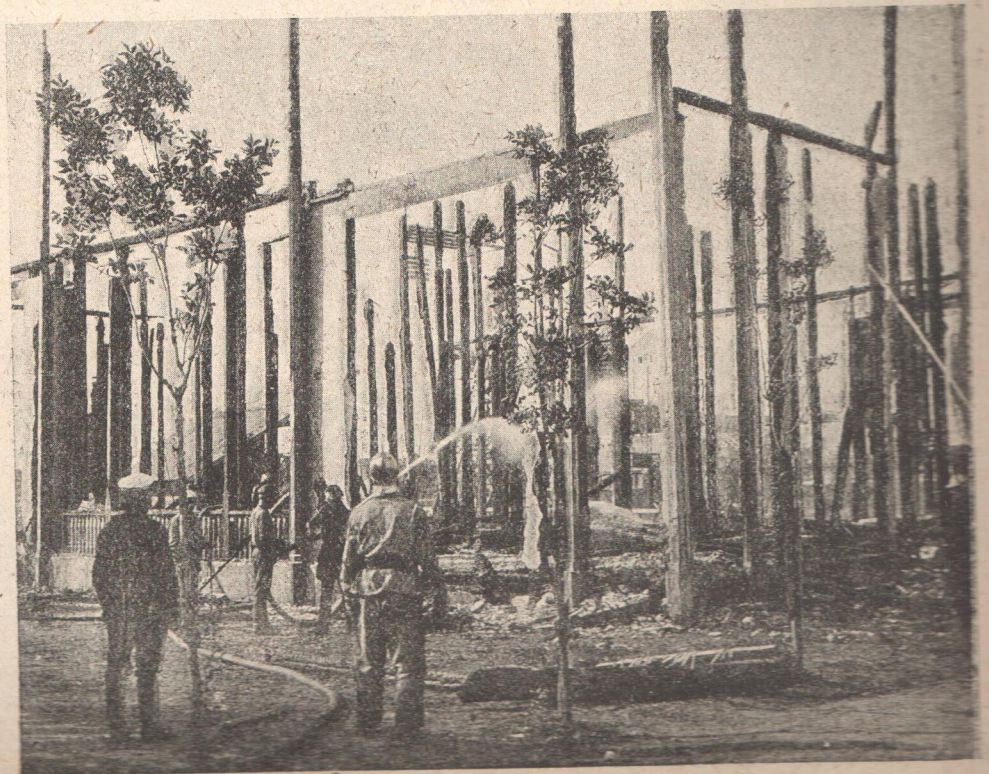
— Я думаю! Я уверен, что Джимми и миллионеру не успел так! Дело в том, что он всегда был немного копуша, но все-таки сильный парень! Для того, чтобы добиться много выигранных состояний и положений, мне пришлось выдержать борьбу с величайшим умом людьми. По моему, человек в

открыт 15 июня в Париже. Памятник работы одного из крупнейших современных скульпторов — Константина Менье.

Пожар на Всесоюзной с.-х. Выставке

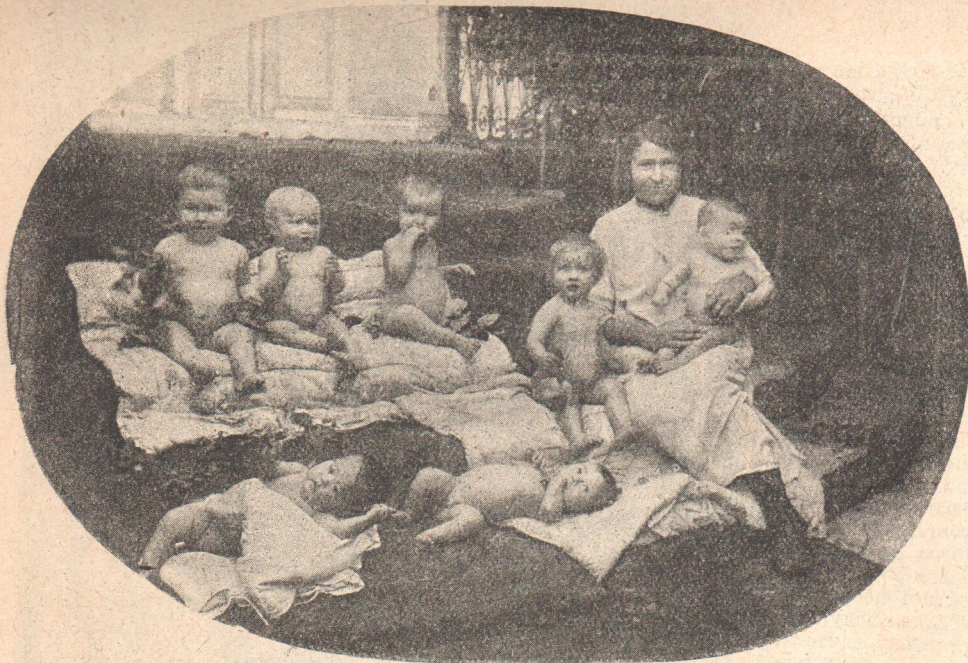
Фот. А. Тулеса.

13-го июня на территории Всесоюзной выставки вспыхнул пожар (горело несколько павильонов). На снимке — тушение пожара городскими пожарными командами.

Солнце и дети

От ташкентского корреспондента „Огонька“.

Сироты-воспитанники «Дома грудного ребенка», имени Ленина в Ташкенте.

Нью-Йорке обростает и только Запад может по настоящему побрить его!

Полисмен повертел своей палочкой и сделал шаг-два вперед.

— Ну-с, теперь я пойду.

С неба падал теперь холодный, мелкий, противный дождик, и легкие дуновения ветра сменялись уже могучими порывами.

Так, в ожидании, прошло около двадцати минут, и вдруг с противоположного тротуара к нему торопливым шагом направился высокий человек, с воротником пальто,

поднятым чуть ли не до самых ушей. Он подошел прямо к поджидавшему человеку.

— Это—ты, Боб?—спросил он неуверенным голосом.

— А это—ты, Джимми Уэлльс?—спросил в свою очередь человек в дверях.

— Господи, боже мой, да, конечно, я!—воскликнул новоприбывший, схватив его за обе руки:—Ну, да, это—Боб! Ну, дружище, как же обошелся с тобой Запад? Говори!

— Да, что ж, очень хорошо обошелся!

Он дал мне все то, что я требовал от него. А ты, Джимми, здорово изменился! Я как не мог бы допустить, что ты станешь выше на два-три дюйма! Странно!

— Это верно! Я, действительно, вырос после того, как мне минуло двадцать лет!

— Идем, Боб! Я знаю одно местечко, мы сможем посидеть и потолковать старых делах—делишках. Идем!

И оба, рука об руку, пошли вверх по улице.

На углу находился аптекарский магазин, весь залитый электрическим светом. Кое-какие мужчины вошли в круг его сияния, каждый из них быстро и одновременно повелся с тем, чтобы посмотреть на лицо другого.

Человек с Запада вдруг остановился и выпустил руку соседа.

— Но вы—вовсе не Джимми Уэлльс!—воскликнул он:—правда, двадцать лет—большой срок, но все же не настолько большой, чтобы превратить римский нос в пуговицу!

— Иногда случается даже так, что хороший человек превращается в дурного!—ответил высокий человек:—Послушайте! Десяти минут находите под арестом. Но до того, как мы пойдем в главную квартиру, я должен передать вам записку, которую меня просили вручить вам. Вы можете прочесть ее у этого окна. Это—от постового полисмена Уэлльса.

Записка была коротенькая и содержала следующее:

«Боб! Я был на назначенном месте во время. Когда ты зажег спичку, чтобы закурить сигару, я увидел человека, которого требует Чикаго. По некоторым причинам я лично не хотел арестовать тебя и поручил это неприятное дело другому агенту в штатском платье.

Джимми».

Перев. Зин. Львовского.

Рабочий спорт

Фот. С. Королькова.

Праздник рабочих кружков физкультуры Баумановского района. Направо—перелача эстафета. Направо—женская эстафета.

Издатель „Мосполиграф“.

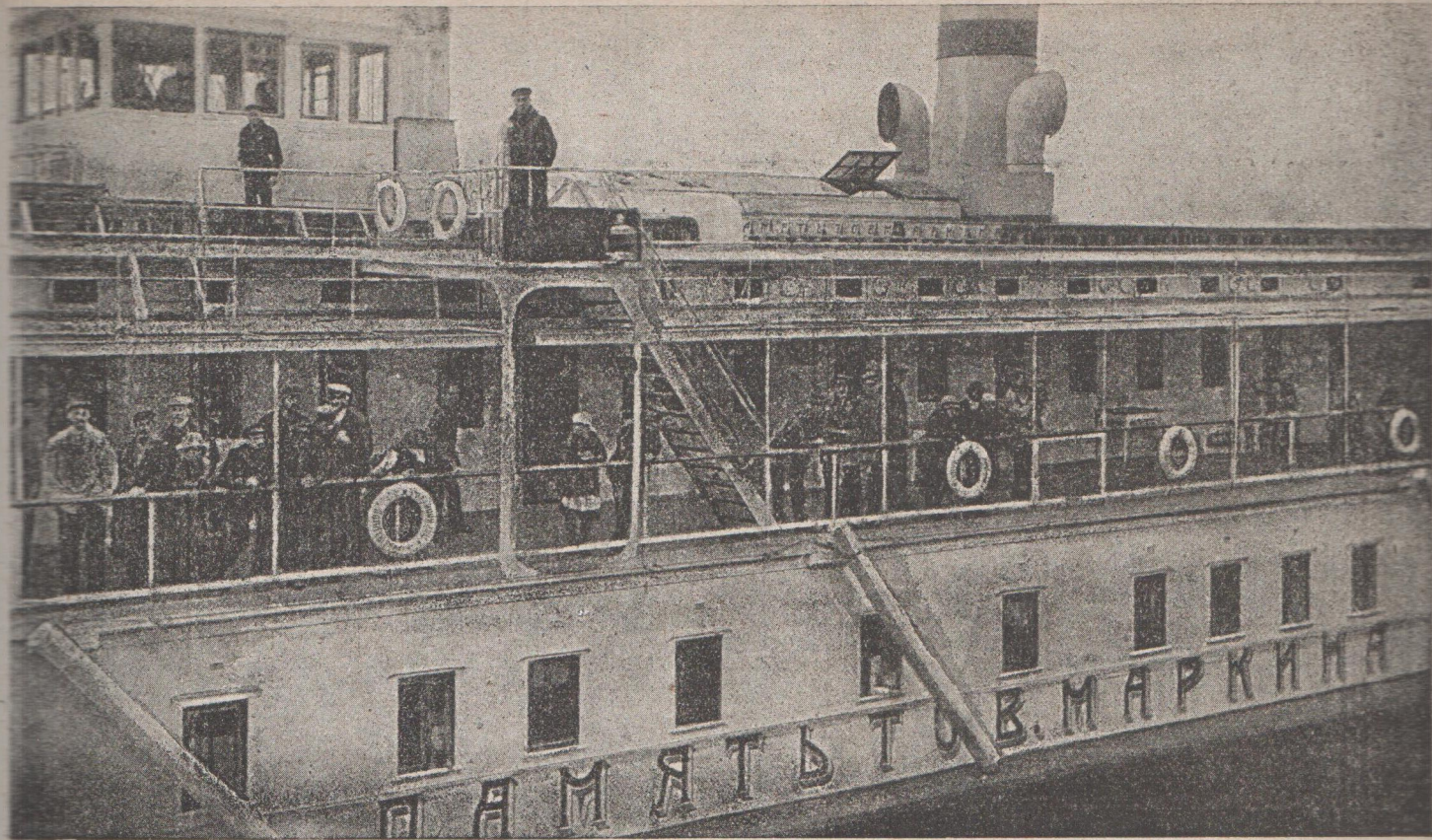
Редактор Мих. Кольцов.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Тверская, Благоевщ. пер., 3. Тел. 86-87. ГЛАВНАЯ КОНТОРА И ЭКСПЕДИЦИЯ: Тверская, 43. Тел. 4-30-03 и 41-38. Телеграф. адрес «Москва, ОГОНЕК». Тариф объявл.: 1 стран.—40 чер., 1/2 стр.—20 чер., 1/4 стр.—10 чер. 1 строка нонп в 1 код.—60 чер., коп. На обложке—на 50% дороже. Среди текста—в 2 раза дороже. Сверх тарифа—15% налога. ГЛАВНАЯ КОНТОРА открыта с 9—3 ч. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на один месяц—50 к. На год—5 руб. За апрель—5 руб. За прежние месяцы—по 70 к. Допускается рассрочка в 3 срока: при подписке 2 р., через два месяца 2 р. и через 4 месяца 1 р. За границу: на мес.—35 сент., 1 экз.—10 сент. или в переводе на соотв. местн. валюту. Подписка на «Огонек» принимается во всех почт.-телегр. учрежд. и во всех отделениях и агентствах Госбанка

Москва, Главлит № 23527.

„Мосполиграф“, 16-я типография, Грешудный пер., 9.

Тираж 80.000 экз.

ВОЛЖСКОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕЧНОЕ ПАРОХОДСТВО

(Управление — Н.-Новгород, Кооперативная ул., д. 13).

Имея в своем распоряжении заново отремонтированными и готовыми к выходу из затонов 200 почтово-и товарно-пассажирских паротеплоходов мощностью 84.865 инд. сил и грузоподъемностью 3.068.10 пуд., установили в навигацию 1924 г. по определенным расписаниям:

- 1) почтово-и товарно-пассажирское движение по реке Волге от Рыбинска до Н.-Новгорода и от Н.-Новгорода до Астрахани с ежедневными отправлениями паротеплоходов.
- 2) почтово-и товарно-пассажирское движение по реке Каме от Н.-Новгорода до Перми с ежедневными отправлениями;
- 3) почтово-и товарно-пассажирское по реке Оке по линии Н.-Новгород—Рязань—Москва с ежедневными отправлениями;
- 4) пассажирские линии по р.р. Костромке, Унже, Суре, Ветлуге, Уфе, Вятке и Белой.

В пунктах примыкания железных дорог к водному пути отправление и прибытие паротеплоходов согласованы с расписанием железных дорог.

В тех же районах Госпароходство принимает на себя перевозку различного рода грузов на неперевозимых судах, а равно буксировку судов и плотов, для чего имеет готовыми к выходу из затонов 544 буксирных паротеплохода мощностью 163.509 инд. сил и до 1190 разного рода неперевозимых судов (баржи, баркасы, гусаны и др.), общей грузоподъемностью 113.526.000 п.

По транспортированию грузов Госпароходство участвует в прямом смешанном железнодорожно-водном сообщении и принимает грузы до всех станций жел. дорог СССР и портов Каспийского моря.

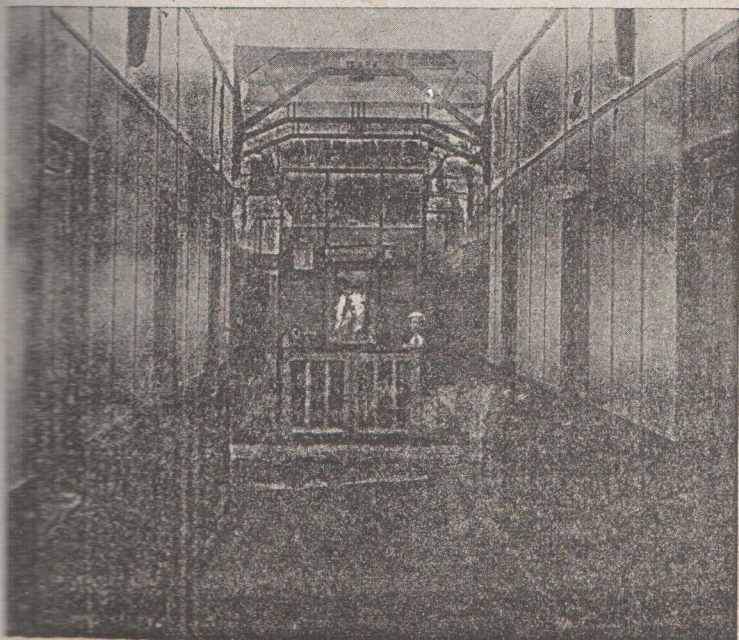
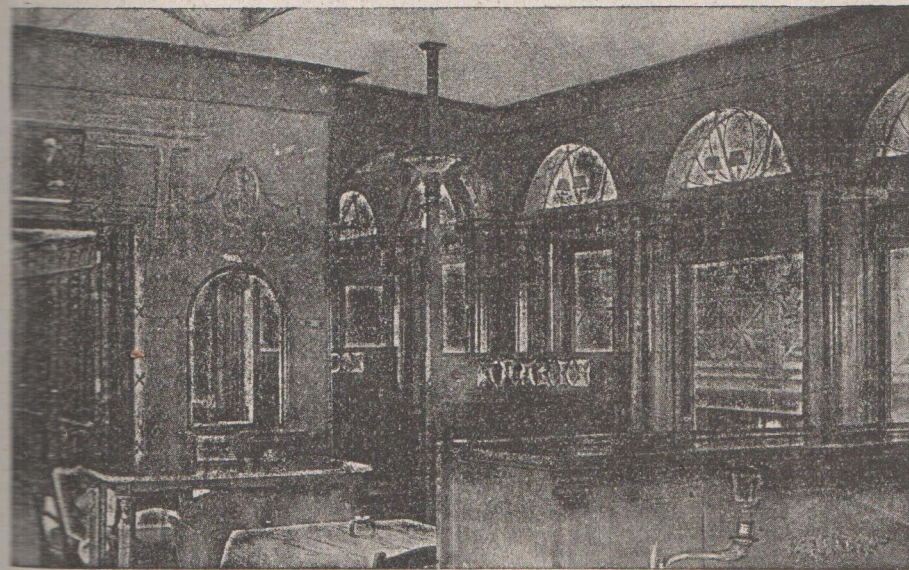
Кроме указанных выше операций, Госпароходство производит:

1. Хранение грузов на собственных складах.
2. Страхование грузов в пути следования и на складах.
3. Переотправку грузов по жел. дорогам.
4. Прием грузов от жел. дорог для дальнейшего направления их водой.
5. Прием товаров на комиссию.
6. Исполнение всякого рода поручений грузоотправителей по переотправке грузов и пр.

В целях быстро и правильно о выполнении перевозок и удобства сношения пассажирами и грузоотправителями по вопросам транспортирования грузов и пр. организованы Транспортные Управления в Н.-Новгороде Товарно-пассажирского флота, Бумажно-сушегрузного флота и Нефтемашиностроительного флота. Транспортные Конторы: в Москве, Ленинграде, Уральске, Оренбурге и Екатеринбурге; кроме того на всех приречьях и в городах, расположенных по р.р. Волге, Оке, Каме и их притокам, имеются агентства и пристани Госпароходства.

Транспортные Конторы производят, кроме указанных выше операций по перевозке, хранению и страхованию грузов, по исполнению различного рода комиссионных поручений, еще и выдачу ссуд под товары, а равно и продажу пассажирских билетов на все пристани р.р. Волги, Оки, Камы и их притоков.

В Московской Транспортной конторе, помещающейся в д. № 16 по Мясницкой улице, производится продажа билетов на все пассажирские линии Госпароходства.

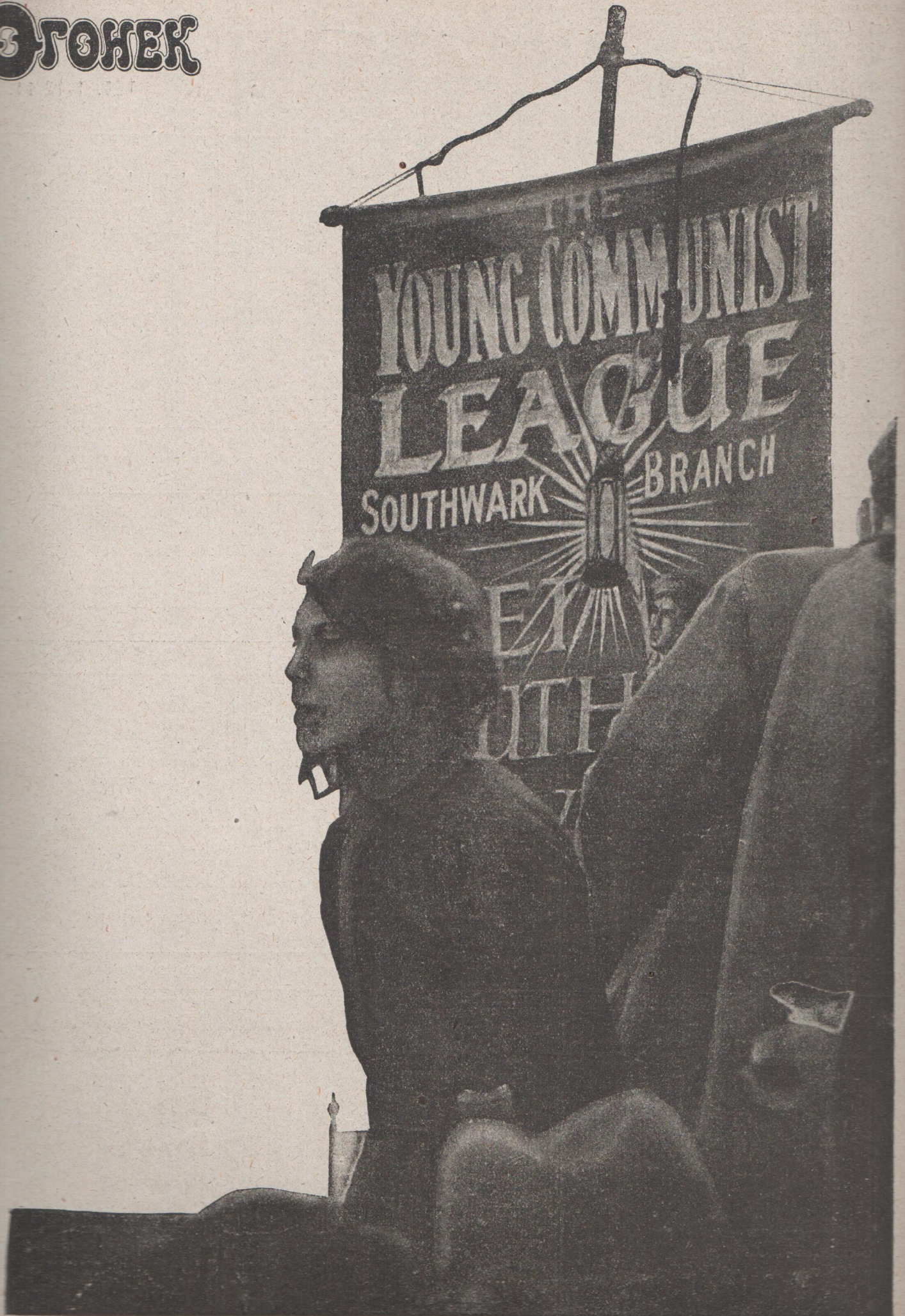

1.
Пароход „ПАМЯТЬ тов. МАРКИНА“ на линии Нижний — Астрахань.

2.
Салон на пароходе „ПАМЯТЬ тов. МАРКИНА“.

3.
Коридор на пароходе „ПАМЯТЬ тов. МАРКИНА“.

Огонек

Мировое движение коммунистической молодежи.

Английская комсомолка произносит речь на многолюдном митинге в одном из лондонских парков.